

Проблемные зоны экспертного исследования по факту суицида у несовершеннолетних

Савина О.Ф.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7548-5239>, e-mail: psyhol1@yandex.ru

Морозова М.В.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3788-209X>, e-mail: marina@serbsky.ru

Проведен психологический анализ 41 КСППЭ по факту смерти (суицида) у несовершеннолетних. Цель работы: определение психологических феноменов, маскирующих истинные переживания и состояния подростков перед реализацией суицида. Были выделены значимые категории анализа, задающие структуру исследования данного предметного вида КСППЭ. Описаны различные проявления образа Я у несовершеннолетних, определяемые подвижностью психики и процессами адаптации к различным жизненным обстоятельствам, требованиям, ожиданиям микросоциума; отсутствие у значительной части суицидентов внешних устойчивых признаков снижения настроения и суицидальной готовности. Раскрыт феномен маскированности пресуицидальных состояний у подростков, его предикторы и механизмы. Выявленная диссоциация между отсутствием внешних проявлений пресуицидального состояния, объективно острой психотравмирующей ситуации и самим поступком затрудняет оценку меры субъективной непереносимости для несовершеннолетнего его положения, определение истинных мотивов и поводов суицида, транслируемых и скрывааемых эмоций.

Ключевые слова: комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза, суицид несовершеннолетних, экспертные критерии оценки, суицидоопасные состояния, маскирующие психологические феномены.

Для цитаты: Савина О.Ф., Морозова М.В. Проблемные зоны экспертного исследования по факту суицида у несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 52–65. DOI:10.17759/psylaw.2022120305

Problem Areas of Expert Research on the Fact of Suicide in Minors

Olga F. Savina

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7548-5239>, e-mail: psychol1@yandex.ru

Marina V. Morozova

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3788-209X>, e-mail: marina@serbsky.ru

The psychological analysis of 41 complex inpatient psychological and psychiatric examination of the suicidal state of minors was carried out. The purpose of the work: to identify psychological phenomena that mask the true experiences and states of adolescents before the realization of suicide. Significant categories of analysis have been identified that determine the structure of this expert study. Various manifestations of the self-image in minors are described, determined by the mobility of the psyche and the processes of adaptation to various life circumstances, requirements, expectations of the microsocium; the absence of external stable signs of mood decline and suicidal readiness in a significant part of suicides. The phenomenon of masking pre-suicidal states in adolescents, its predictors and mechanisms are revealed. The revealed dissociation between the absence of external manifestations of the presuicidal state, an objectively acute psychotraumatic situation and the act itself makes it difficult to assess the measure of subjective intolerance for a minor of his position, to determine the true motives and reasons for suicide, broadcast and hidden emotions.

Keywords: comprehensive forensic psychological and psychiatric examination, juvenile suicide, expert evaluation criteria, suicidal states, masking psychological phenomena.

For citation: Savina O.F., Morozova M.V. Problem Areas of Expert Research on the Fact of Suicide in Minors. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 52–65. DOI:10.17759/psylaw.2022120305 (In Russ.).

Введение

Суициды детей и подростков признаны значимым тревожным социальным явлением: хотя, по данным Росстата, число суицидов среди несовершеннолетних в России и имеет тенденцию к снижению, но превышает соответствующие мировые показатели. В связи с этим проблема суицида в среде несовершеннолетних требует всестороннего изучения и разработки научным сообществом [1; 2; 4; 6], в том числе и в рамках экспертологии.

Комплексные судебные психолого-психиатрические экспертизы по факту смерти несовершеннолетних с суицидальным поведением (будем называть их посмертными) решают задачу реконструкции динамики психического (эмоционального) состояния субъекта с учетом особенностей его личности и конкретных обстоятельств. Они относятся к числу наиболее сложных видов экспертных исследований, поскольку экспертное суждение формируется только на основании ретроспективного анализа материалов уголовного дела,

что предполагает их максимально полный, исчерпывающий характер, а также предъявляет высокие требования к профессиональным компетенциям эксперта. Сведения, содержащиеся в уголовном деле, о проблемах, переживаниях, личности погибшего часто субъективны, достаточно пристрастны и противоречивы либо же однотипны и формальны. Посмертная экспертиза, будучи лишена информации об оценках суицидентом своих действий, в то же время позволяет увидеть в единстве разные составляющие суицидальной активности и суицида как таковых.

Следственные органы нередко не вполне четко представляют себе возможности психолога-эксперта, порой назначают экспертизу, хотя еще нет доказательной правовой оценки, что имел место суицид. Они пытаются заполнить дефицит объективной информации, ставя перед психологом различные гипотетические вопросы, ожидая квалификации факта суицида (дифференцировки с несчастным случаем, убийством), выявления неизвестных лиц, виновных в доведении до самоубийства, раскрытия механизмов без сведений о предшествующих событиях, контактах и переживаниях погибшего. В то же время важно понимание юристами и экспертами, что в некоторых случаях даже длительное и тщательное расследование не позволит установить особенности и содержание внутреннего мира суицидента (он этим ни с кем не делился) — сколько бы допросов проведено ни было, верифицирующая информация никогда не будет получена, и причины такого поступка останутся неизвестны [15]. В других же ситуациях затруднения в вынесении экспертного заключения могут быть связаны с маскированностью суицидальных тенденций, обыденностью содержания показаний, не фиксирующих каких-то экстраординарных фактов и наблюдений. Риск необоснованного суждения является для эксперта внутренней преградой, ведет к отказу от принятия вообще какого-либо решения, что приводит к дополнительным и повторным экспертизам в связи с якобы обоюдными недоработками юристов и специалистов.

В Центре имени В.П. Сербского психологами и психиатрами проводится большое многоэтапное исследование [7; 10; 11; 12; 13; 14], где суицид несовершеннолетних рассматривается в широком контексте деструктивного, аддиктивного поведения; подвергаются анализу различные протектирующие рост числа самоубийств факторы, в том числе психопатологические, социально-демографические и социально-психологические, в частности, включенность в интернет-сообщества, группы, социальные сети. Исследователями сформулированы основные организационные и методологические положения производства таких КСППЭ, определены подходы и модели анализа и оценки суицидального поведения.

Несмотря на внимание к этой проблеме, у практиков посмертные экспертизы несовершеннолетних вызывают большое количество вопросов, что обусловлено и спецификой самого контингента. Помимо вариативности социальных предикторов и внешних факторов суицидального поведения для подростков значим аспект формирующейся психики: ее незрелость; неустойчивость мотивационно-ценностной системы; неполная интегрированность самосознания, образа Я; повышенная зависимость от внешних воздействий; разрыв между декларируемой взрослостью и истинной инфантильностью; субъективность (протрагированность и/или облегченность) интерпретации событий с легкостью возникновения внутриличностных конфликтов при недостаточной сформированности механизмов их преодоления; неспособность справиться с переживаниями при их остроте и драматичности; недопонимание необратимости суицидального поступка —

желание «умереть не до конца», изменить ситуацию и готовность к риску при низкой компетенции [3].

Цель исследования — определение психологических феноменов, маскирующих истинные переживания и состояния подростков перед реализацией суицида.

Программа исследования. Материал и методы

Проведен психологический анализ 112 КСППЭ по факту смерти несовершеннолетних, выполненных в отделении и лаборатории психологии Центра с 2016 по 2021 г. Из них были исключены случаи, содержащие отказ от вынесения суждений из-за недостаточности данных в материалах уголовных дел для оценки состояния в период, предшествующий гибели, а также случаи с психопатологическими механизмами суицидов, однако исследовались заключения не только психически здоровых подростков, но и тех, которым психиатрами был установлен диагноз, а в механизме образования их суицидальной активности в значительной степени были представлены психологические (патопсихологические) закономерности на фоне возрастных особенностей развития. В результате были отобраны материалы 41 КСППЭ с обоснованием психологических механизмов развития пресуицидального состояния и реализации самого суицида. Возраст суицидентов колебался от 9 до 17 лет: 22 человека — от 16 до 17 лет; 16 человек — 14—15 лет; 2 человека — 13 лет; 1 — 9 лет. Из них 17 лиц мужского пола, 24 — женского.

Метод исследования: ретроспективный анализ материалов уголовных дел, включая герменевтический анализ письменной и рисуночной продукции, переписки в Интернете. В качестве предварительной гипотезы выступило предположение о том, что для подростков характерен феномен маскированности суицидоопасного состояния. Были выделены экспертно значимые категории для анализа заключений, куда помимо возраста, наличия проявлений психического расстройства вошли: уровень социальной адаптации; успешность в учебе; наличие жизненных перспектив, планов на будущее; отношения с родителями и сверстниками; содержание доминирующих негативных переживаний; наличие упоминаний о суициде, его репрезентированность в сознании; наличие маскирующих феноменов; механизмы суицида.

Результаты и обсуждение

При анализе материала по указанным категориям было выявлено следующее. У 25 несовершеннолетних отношения с родителями оценивались как хорошие, у 11 — формально нормальные, неустойчивые или хорошие с одним из родителей, все они были из достаточно благополучных семей. 30 несовершеннолетних не обнаруживали выраженных нарушений адаптации, были достаточно общительны. У 28 подростков механизмы суицида аффективные, из них 7 — импульсивные, спонтанные. По содержанию переживаний у 20 человек — протест, обида; у 5 — самообвинение; у 6 — любовные переживания; у 6 — смысловые, экзистенциальные; 4 суицида отказа от жизни в связи с отсутствием сил справиться с проблемами и переживаниями. У 29 суицидентов обнаруживались маскированные суицидальные тенденции за счет легкости переключения в разных обстоятельствах, не было устойчивого снижения настроения, заметного окружающим, при этом более половины несовершеннолетних (23) часто упоминали о суициде. Содержательно эти показатели будут раскрыты далее в статье.

В результате проведенной обработки обратило на себя внимание значительное число случаев с отсутствием устойчивого снижения настроения у суицидентов, их включенность в разные сферы жизни, наличие жизненной перспективы, а часто и конкретной программы, что

сочеталось с интересом к суициду как явлению, реальной проекцией его на себя, суицидальными высказываниями в анамнезе. Мысль о суициде во внутренней картине мира у них сосуществовала с комплексом мотивов противоположной направленности, не вызывая когнитивного диссонанса, борьбы мотивов и не формируя внутриличностного конфликта. В рамках обсуждения полученных результатов проанализируем психологические механизмы указанного феномена.

У несовершеннолетних психика отличается высокой подвижностью, подросток в настоящее время живет в широком информационно-событийном поле, его жизнь протекает как бы на различных «орбитах», между которыми он легко переключается либо «вынужден» это делать. Самосознание и личность находятся в процессе формирования, его Я достаточно диффузно, поэтому быть разным при смене условий и окружения в большей части достаточно естественно, как сознательно, так и спонтанно. Это способ включения в социум, когда подросток, «примеряя» на себя различные роли, адаптируется к разным сферам жизни со специфичными для каждой из них приоритетами и ценностями, формами реагирования и степенью «допуска» к собственному внутреннему миру в зависимости от внешних обстоятельств. При этом «статусы-личности» могут быть не тождественны, а потребности в самоинтеграции зачастую нет. При гармоничном развитии они имеют существенные пересечения и базируются на едином личностном ядре, при неблагоприятном — не только не сближены, но и противоречат друг другу. Так, инфантильными подэкспертными утрированная многоликость собственного Я даже рефлексивируется, а порой его составляющие персонифицируются, получая имена и относительно цельную характеристику, зону ответственности за различные аспекты бытия, принятия решений, форму, методы самовыражения. Это своеобразный способ адаптации к реальности, являющийся, по сути, и копинг-стратегией, и защитным механизмом, снижающим внутреннее напряжение, смещающим локус контроля.

С учетом выделенных ранее параметров экспертного анализа представим обобщенные варианты проявления Я подростка-суицидента.

Семья — социальный институт, который оказывает определяющее влияние на формирование ребенка в детстве, закладывая основы его ценностей, жизненных установок, самопринятия, самооценки и доверия к миру, систему долженствований. Опыт семейного взаимодействия интегрируется и приводит к возникновению различных личностных смыслов у подростка — от неприятия и обвинения родителей до любви (иногда безответной), желания угодить или, наоборот, к становлению рентных и потребительских установок, меркантильной позиции. Эффект от влияния родителей на психическое развитие сына или дочери может быть как положительным (в разной степени выраженности), так и отрицательным — в ситуациях семейного неблагополучия (в нашем материале 5 случаев). Оно имеет разное качественное выражение — неисполнение родительских обязанностей (например, оставление ребенка в опасности, неудовлетворение базовых потребностей, алкоголизм родителей), эмоциональная депривация и формальность взаимодействия, проявление жестокости или агрессии.

В наших наблюдениях преобладает обратный вариант — семья представляется внешне благополучной, что не всегда сопряжено с реальным комфортом ребенка в ней. В большинстве случаев у родителей, что следует из их показаний, имеется ложное представление о близости и доверительности контакта с ребенком, поскольку он транслирует им ожидаемые от него установки и оценки. В основе этого лежит желание либо соответствовать представлениям близких и не расстраивать их, либо избежать наказания и

нравоучений. Часто в процессе семейного общения он и ощущает себя именно таким, хотя внутренние переживания гораздо глубже, не всегда осознаются до конца, могут вытесняться, а иногда и скрываться, поскольку именно в них несовершеннолетний может быть особенно уязвим.

Родители, считающиеся социально благополучными, часто склонны предъявлять детям крайне высокие требования и ориентиры, достижение которых не отвечает их наклонностям, возможностям и ресурсам. Высокая значимость успеха, интериоризированная несовершеннолетним от родителей, провоцирует у него постоянное эмоциональное напряжение, переоценку неудач с приравниванием их к жизненной трагедии. Наиболее неблагоприятно, если родители фактически отождествляют подростка с его достижениями, лишая его самооценности и не удовлетворяя потребность в безусловной любви. В ходе анализа материалов уголовных дел зачастую обращает на себя внимание то, что при описании ребенка родители воссоздают идеальный или, наоборот, противоположный желаемому образ, при этом они оба, как правило, далеки от реального.

В отдельных случаях, которые заслуживают особого внимания, подростки упоминали, а иногда и достаточно явно сообщали родителям о суицидальных мыслях. Однако вместо попытки разобраться во внутренних побуждениях ребенка, что давало родителю шанс уберечь его от непоправимого, следовало увещание: это «плохие мысли» и такой способ ухода из жизни допускают «только слабые люди». Иногда такие высказывания трактовались в семье как шутка или воспринимались как шантаж и манипуляция. Среди анализируемых посмертных экспертиз не было случаев, где родители задумывались над словами ребенка, фиксировали их как опасный сигнал, стремились понять причины и содержание его переживаний. В наших материалах, как правило, родители, концентрировались на моментах, значимых для взрослого с точки зрения перспектив, планов, социальной успешности их отпрыска (пробелы в учебе, плохие оценки, конфликты в школе). Для решения некорректируемых традиционными «домашними» методами проблем они выбирали считающиеся эффективными стратегии, например, сменить среду обитания и обстановку для ребенка; вырывая его из привычной атмосферы, они нередко усугубляли его психологическое состояние. В лучшем случае сына или дочь посылали к школьному или частно практикующему психологу, не устанавливая обратной связи и не возвращаясь к этой теме, если ребенок сам ее не актуализировал или же отказывался от дальнейших посещений специалиста.

Образовательное учреждение. Большинство подростков, совершивших суицид, учились в школе, лицее или колледже, при этом нередко меняли места обучения в связи со сменой места жительства или переходом в специализированные классы с перспективой на будущее, а отдельные — из-за конфликтов в классе. Представленные в материалах дела характеристики, показания преподавателей преимущественно отличались формальностью, без описания каких-либо проблем у ученика, а, наоборот, с акцентом на отсутствие буллинга, что обусловлено как незнанием проблем ученика, так и естественными защитными тенденциями, нежеланием бросать тень на учреждение. Более или менее развернутые характеристики личности погибшего часто разнятся с описанием родителей; это определяется тем, что в учебной деятельности подросток, адаптируясь к среде, проявляет себя несколько иначе, чем дома. За исключением единичных случаев преподаватели не были информированы о суицидальных мыслях учеников, но иногда отмечали потребность в психологической помощи, высказывали рекомендации родителям индивидуально обратиться к школьному психологу за консультацией.

Из материалов дела прослеживается и то обстоятельство, что проводимые профилактические мероприятия, включая тестирование на определение суицидального риска, не дают ожидаемого результата, а иногда именно из таких бесед ученики узнают о суицидах в среде несовершеннолетних и способах их совершения. Тесты же отражают суицидальную настроенность, только если мысли о самоубийстве устойчивые, доминирующие, а ответы даются искренне, без учета социальной желательности, что не свойственно подросткам с учетом особенностей их психики и жизненных установок, если не существует индивидуального доверительного контакта.

Очень редко в материалах дела содержится информация об отрицательной динамике психологического, эмоционального состояния ученика, наоборот, обычно отмечают, что он был активен, строил планы на будущее, участвовал в общих делах класса либо вел себя, как обычно, ничем не выделяясь. Это нельзя объяснить исключительно невниманием педагогов к настроению своих подопечных: будучи включенным в учебный процесс и коллективную деятельность, подросток отвлекается от отрицательных эмоций и переключается на актуальное «поле».

Показания соучеников, как свидетельствует проведенный нами анализ, зависят от сплоченности класса, наличия в нем неформальных групп, близости общения потерпевшего с другими. Чем формальнее взаимодействие в процессе учебы, тем однотипнее показания и больше их пересечение со свидетельствами преподавателей. Наряду с этим часто отмечается иной ракурс личностной самореализации подростка среди одноклассников, зависящий от групповой динамики, сочетания индивидуальных и общих приоритетов, доступных и эффективных способов коммуникации, доверительности и открытости в общении, желаемого образа Я в кругу сверстников, а также статуса, роли и имиджа в восприятии его коллективом. Нередко соученики припоминают, если не интерес погибшего к теме суицида, то наличие отдельных ситуативных высказываний о подобном способе решения трудностей, чему они раньше не придавали значения, поскольку не только декларация таких намерений, но и даже аутоагрессивные действия (самопорезы, в том числе демонстративные, попытки отравления) не воспринимались как реально угрожающие жизни.

В кругу **близких друзей**, ценности которых он разделяет или принимает дабы не быть отвергнутым, даже если они входят в противоречие с его принципами, проявляется еще одна «статус-личность» подростка. В референтной группе несовершеннолетний реализует потребности в интимно-личностном общении, самоактуализации. Подростку важно иметь эмоциональный резонанс, занять комфортную для себя нишу с дифференцированным соотношением доминирования и подчинения. В этой сфере позиции и роли динамичны и не имеют жесткой регламентации — в одних условиях можно вдруг стать лидером, в других неожиданно изгоем. Подросток среди близких друзей наиболее уязвим к отрицательным сигналам, переживает их глубоко лично и, как правило, мало с кем может поделиться. В результате многие аспекты своего реального Я для сохранения общности и причастности приносятся в жертву, причем с готовностью трансформировать его не только в лучшую, но и худшую сторону.

В тех КСППЭ, где среди свидетелей было и «доверенное», посвященное в проблемы суицидента лицо, его показания прямо или косвенно содержат наиболее экспертно значимую информацию о переживаниях, причинах и мотивах самоубийства. В то же время близкие друзья не всегда опрошены следствием или же рассказывают о погибшем в присутствии и с оглядкой на опекуна, поэтому не раскрывают знаемое, а иногда и сознательно избегают откровенности, сохраняя верность другу и ореол тайны.

С референтной группой, как правило, поддерживается **общение и в Интернете**, при этом Я подростка в онлайн-контактах с теми же лицами не всегда тождественно тому, что проявляется в непосредственном общении. Иногда для анализа предоставляются скриншоты переписки за длительный период, отражающие динамику переживаний, личностных смыслов, в том числе и суицидального характера, отношение к этому феномену, упоминаются и аутодеструктивные действия. Наиболее ценна для понимания механизмов принятия решения была переписка, осуществлявшаяся непосредственно перед и в момент реализации суицида.

Проведенный нами анализ подтвердил, что **роль Интернета в суицидальной активности** несовершеннолетних отнюдь не сводима к так называемым группам смерти. Его влияние многолико и значительно шире, он внес новые predispositions в развитие психики, формирование духовного мира, ценностей и личностного смысла современного подростка, специфику коммуникации [16]. Не только расширились, но и получили другое смысловое наполнение представления о суициде, отношение к нему существенно трансформировалось по сравнению с советским периодом. Социалистическая мораль и кодекс поведения налагали на суицид запреты даже более жесткие, чем религиозные. В этом контексте самоубийство воспринималось как проявление слабости, низкой социальной ответственности, недостойный, унижающий человека поступок, налагающий соответствующее клеймо, стигму при неудачной попытке на самого суицидента, после гибели же — на память о нем, и в какой-то мере на всю семью.

О суициде в те годы общедоступной информации было очень мало, он изучался только специалистами в рамках профессиональных познаний и не был темой для открытого обсуждения. Ограниченность информационного поля, трудоемкость получения сведений, замалчивание фактов способствовали тому, что аутодеструктивный опыт не интегрировался в когнитивные схемы, не входил в апперцептивные установки, не присутствовал в качестве латентных личностных смыслов на периферии сознания подростков. Наряду с этим бытовали житейские обобщенные, транслируемые в неформальном кругу суждения по типу своеобразных «апокрифов», отношение к которым было неоднозначным. В силу этого самоубийство воспринималось подростками как нечто экстраординарное, далекое, особенно для современной молодежи — случаи суицида среди подростков были достаточно редки, не становились достоянием средств массовой информации и примером для подражания.

Отказ от жесткой регламентации интимной, духовной жизни человека совпал со стремительным развитием цифровых технологий, расширивших информационное поле, но снизивших качество и достоверность общедоступных сведений. Несистематизированные околонучные взгляды, примитивные обывательские суждения и даже досужие вымыслы, в большинстве своем противоречивые, но изложенные эмоционально притягательно и доступно для понимания, дают ответ на любой вопрос, помогают без труда заполнить содержательные лакуны. Неискушенному пользователю сложно дифференцировать их с компетентными подходами, для этого требуется интеллектуальный потенциал, жизненный опыт, толерантность к неопределенности.

У несовершеннолетних особый интерес вызывают «запретные» для обсуждения темы, среди них и суицид — от обыденного способа совладания с трудностями до акта, наполненного особым смыслом: проверка на смелость и состоятельность, способность противостоять ординарности, проявление свободы духа, а иногда и приверженность определенной социальной группе. Для большинства подростков на фоне юношеского максимализма и категоричности когнитивных схем многие чувства особо остры,

испытываются впервые, представляются неповторимыми, уникальными, а ценность жизни и необратимость смерти, преходящий характер невзгод и неудач не подкреплены опытом пережитого; данная категория лиц наиболее виктимна в отношении циркулирующего в Интернете контента по проблеме самоубийства. Подросток, задающий порой из любопытства такой поисковый запрос, получает обширные сведения о способах и вариантах аутоагрессивных действий, узнает о размышлениях и намерениях других — от общих мировоззренческих позиций до конкретных фактов реализованных суицидов. Такая информация, если и не принимается, то остается на «периферии сознания» и может актуализироваться при неблагоприятном стечении обстоятельств. Исследования показывают наличие прямой зависимости между посещением деструктивных сайтов и аутоагрессивным поведением несовершеннолетних [8].

Деструктивное поведение может быть направлено и на то, чтобы стать достоянием подросткового сообщества, без Интернета оно в значительной степени утрачивает привлекательность, ведь в системе личностных смыслов важен отклик на поступок, хотя реально суицидент об этом уже не узнает. Так, в отдельных случаях суицид стал осмысляться молодыми людьми не как цель, а как завершающее, но всего лишь операциональное звено, своего рода цена в структуре деятельности с иным ведущим мотивом — самоактуализации (привлечь внимание к себе, показать собственную неординарность, инакость, превосходство, поставить себя выше других) либо мести за унижение, отвержение, неуспех; самоценность собственной жизни вообще не рассматривается.

Проблема **взаимодействия в социальных сетях** многоаспектнее, чем виртуальные контакты с близкими друзьями. Социальные сети и мессенджеры существенно расширили круг общения несовершеннолетних, у них остается все меньше интимного, личного, защищенного пространства. Сложившаяся в подростковой среде неформальная специфика онлайн-контактов подразумевает необходимость ответа на адресованные тебе обращения, при этом не принято игнорировать высказывания, в том числе и негативные, унижающие, что значительно расширяет фрустрационное поле в пространстве и времени. Обратная сторона этого явления — отсутствие реакции на собственное самовыражение становится основанием для роста эмоционального напряжения, тревоги, возникновения ощущения невосребованности, снижения самооценки.

В Интернете подросток часто развивает статус-личность, сильно отличающуюся от образа Я в семье, в школе, в референтном общении. Онлайн-контакты дают возможность без труда переформатировать собственный образ: совместить реальность и вымысел, поменять внешность, пол, возраст, социальный статус. В конечном итоге, истинное Я замещается предпочитаемым, лишенным собственных слабостей и проблем. Наряду с этим такое взаимодействие снимает барьер перед обсуждением любых тем, неспровоцированными жестокими оценками, в том числе по типу «реакций мимо» — обесцениванием личности другого, его травлей для отреагирования собственных обид и комплексов. Вошедший в употребление письменный сленг с относительно безобидными нарочитыми аграмматизмами, упрощенной вербализацией включает в себя и грубые, циничные обозначения тонких душевных переживаний, широкое использование нецензурных выражений, изменяя содержательно-смысловое наполнение высказываний. Даже подростки, которым такая лексика в обычной жизни чужда, при переходе на онлайн-контакты принимают данную стилистику, тем самым входя в иное смысловое поле.

В подростковой среде социальные сети используются и для обсуждения темы суицида, что в большинстве случаев не всегда связано со специальными сайтами. Она актуализируется как некая обыденность или же, наоборот, как проявление исключительности. К ее актуализации подводят как сиюминутные обиды, так и неудовлетворенность жизнью, поиски ее смысла. В ответ поисковые системы выдают выплеснутые кем-то вовне негативные эмоции, деструктивные реакции, как известно, имеющие высокий индуцирующий потенциал. При таком широком и лишенном внутренних барьеров интернет-общении с людьми разных возрастных категорий и социальных групп повышенная внушаемость подростка, склонность «заражаться чужими эмоциями» способствуют успешной внешней провокации незрелой психики, интервенции в самосознание нигилистических представлений за счет актуализации механизмов подражания и идентификации, что является важным протектирующим фактором суицидоопасного поведения.

Наиболее **интимное и сокровенное Я** проецируется **в собственной продукции** несовершеннолетних, их дневниковых записях, рисунках, фанфиках и др. Эта творческая активность лишь иногда направлена на восприятие другими или подражательна, но чаще ориентирована на самого себя, в ней проявляется внутренний мир подростка. Обычно в представленных материалах содержится лишь «покадровая нарезка» интимных статусов подростка, для них в целом характерна эклектичность, мозаичность, если брать каждый отдельный фрагмент. Такой тип самовыражения может выступать защитным механизмом и свидетельствовать об истинности и глубине чувств, нарастании психалгии. Целостный анализ продукции позволяет реконструировать систему сложных отношений и неоднозначного самоотношения, борьбы мотивов, ситуативные всплески эмоций, неустойчивость проецируемых статусов-личностей. Интегрируя эту информацию с представленными выше смысловыми блоками, эксперт выявляет динамику переживаний подростка, их содержание и остроту, соотношение между позитивным и негативным мировосприятием; зарождение и процесс формирования антивитальных тенденций, их причины, периоды роста-спада эмоционального напряжения. Исследование собственной продукции несовершеннолетнего дает основания для дифференциации внутренних предрасполагающих факторов и внешних поводов суицида. Личная продукция, содержащаяся в материалах уголовного дела, позволяет в каждом конкретном случае увидеть и раскрыть феномен маскированности пресуицидальных состояний и, определив закономерности, на их основе осуществить научную проекцию на более широкий спектр изучаемого психического явления, что облегчает вынесение экспертного суждения.

Заключение

Проведенный нами анализ показывает, что для подростковой психики характерна многоликость, параллельное функционирование статусов-личностей образа Я, которые определяются адаптацией несовершеннолетних к различным условиям, обстоятельствам, требованиям, ожиданиям микросоциума. В таких проявлениях и ипостасях существования подросток искренен, все они являются значимыми для формирующейся личности, накладываются и дополняют друг друга, порой входя в противоречие, но не препятствуя самоидентичности благодаря гибкости психических процессов, легкости переключения и вхождения в разные системы деятельности.

Данный феномен существенно затрудняет диагностику суицидальной опасности у несовершеннолетних, маскирует истинное состояние подростка. Е.М. Вроно [3],

обследовавшая этот контингент после незавершенных попыток самоубийства, подчеркивала недопустимость игнорирования «сигналов» подростка о возникновении у него суицидальных намерений, ведь желание «умереть не до конца» сочетается у них с высокорисковым, крайне аутодеструктивным поведением. Она указывает на расхождение восприятия другими и самовосприятия ее пациентов, убежденных, что они явно давали понять окружающим о наличии у них антивитального настроения.

Наш анализ подтверждает, что эти тенденции трудно распознать. Пестрота, неоднородность рисунка поведения несовершеннолетних, диссоциация между отсутствием внешних проявлений пресуицидального состояния, объективно острой психотравмирующей ситуации и самим поступком маскируют меру субъективной непереносимости для несовершеннолетнего его положения, истинные мотивы и поводы суицида, транслируемые и скрываемые им эмоции. В силу этого при экспертном исследовании возникают сложности оценки личности несовершеннолетнего, соотношения протектирующих и сдерживающих механизмов, аффективных и рациональных составляющих поступка. Алгоритм анализа по приведенным выше категориям дает возможность раскрыть и сопоставить мозаику Я-структуры, помогает преодолеть кажущуюся противоречивость показаний, раскрыть механизмы и содержание суицида.

Литература

1. Алимova М.А. Суицидальное поведение подростков: диагностика, профилактика, коррекция: Методические рекомендации. Барнаул, 2014. 100 с.
2. Бадмаева В.Д., Дозорцева Е.Г., Сыроквашина К.В., Шкитырь Е.Ю., Александрова Н.А. Суициды подростков: социальные, клинические и психологические факторы // Российский психиатрический журнал. 2016. № 4. С. 58–62.
3. Вроно Е.М. Спросите прямо: «Ты говоришь о самоубийстве?» Лекция ведущего суицидолога Елены Вроно [Электронный ресурс] // Новая газета. 2016. № 54. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2016/05/21/68681-171-sprosite-pryamo-ty-govorish-o-samoubiystve-187-lektsiya-veduschego-suitsidologa-eleny-vrono-v-171-novoy-gazete-187> (дата обращения: 15.03.2022).
4. Григорьева А.А. Выявление риска суицидального поведения у подростков в общеобразовательных школах [Электронный ресурс] // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2019. Том 7. № 3 (26). doi:10.23888/humJ20193513-523.
5. Дозорцева Е.Г., Сыроквашина К.В. Проблемные вопросы проведения посмертной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам о самоубийствах несовершеннолетних // Вопросы экспертной практики. 2019. № 1. С. 179–182.
6. Мазаева Н.А. Суицидальная активность подростков (по данным зарубежных публикаций) // Психиатрия и психофармакотерапия. 2016. Том 18. № 1. С. 14–19.
7. Макушкин Е.В., Бадмаева В.Д., Дозорцева Е.Г., Сыроквашина К.В., Ошевский Д.С., Чибисова И.А., Терехина С.А. Возрастные особенности психического развития и состояния несовершеннолетних, совершивших суициды [Электронный ресурс] // Журнал неврологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. 2019. Том 119. № 7. Вып. 2. С. 20–24. doi:10.17116/jnevro201911907220
8. Соколова М.В., Дозорцева Е.Г. Склонность к аутоагрессивному поведению у подростков и информация, потребляемая ими в Интернете [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 4. С. 22–35. doi:10.17759/psylaw.2019090102

9. Сафуанов Ф.С., Сочивко О.И. Психологическая оценка суицидального риска: соотношение про- и антисуицидальных личностных факторов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 4. С. 211–224. doi:10.17759/psylaw.2019090415
10. Сафуанов Ф.С., Секераж Т.Н. Деятельность, направленная на побуждение детей к суицидальному поведению: возможности судебно-психологической экспертизы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Том 7. № 2. С. 33–45. doi:10.17759/psylaw.2017060203
11. Сыроквашина К.В., Ошевский Д.С., Бадмаева В.Д., Дозорцева Е.Г., Макушкин Е.В., Александрова Н.А., Терехина С.А., Нуцкова Е.В., Федонкина А.А., Чибисова И.А., Шкитырь Е.Ю. Факторы риска формирования суицидального поведения у детей и подростков (по результатам анализа региональных посмертных судебных экспертиз) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 1. С. 71–84. doi:10.17759/psylaw.2019090105
12. Сыроквашина К.В. Алгоритмы судебно-психологической оценки психических состояний, предшествующих самоубийству у подростков [Электронный ресурс] // Будущее детей с особенностями психического развития (г. Москва, 28–29 ноября 2019 года). М.: ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2019. С. 253–255. URL: <https://serbsky.ru/wp-content/uploads/2019/06/Сборник-тезисов.pdf> (дата обращения: 19.04.2022).
13. Сыроквашина К.В. Психологический анализ в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам о самоубийстве несовершеннолетних: алгоритм, факторы, основные элементы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том. 10. № 3. С. 248–259. doi:10.17759/psylaw.2020100317
14. Шкитырь Е.Ю., Бадмаева В.Д. Детерминанты суицидального поведения несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Психическое здоровье. 2018. Том 16. № 9. С. 50–60. doi:10.25557/2074-014X.2018.09.50-60
15. Ferraro P. et al. A focus on recent cases of suicides among Italian children and adolescents and a review of literature // Italian Journal of Pediatrics. 2014. Vol. 40. P. 69. doi:10.1186/s13052-014-0069-3
16. Sher L., Vilens A. Internet and suicide. N.Y.: Nova Science, 2009. 452 p.

References

1. Alimova M.A. Suitsidal'noe povedenie podroستkov: diagnostika, profilaktika, korrektsiya: Metodicheskie rekomendatsii. Barnaul, 2014. 100 p. (In Russ.).
2. Badmaeva V.D., Dozortseva E.G., Syrokvashina K.V., Shkityr E.Yu., Aleksandrova N.A. Suitsidy podroستkov: sotsial'nye, klinicheskie i psikhologicheskie faktory [Suicide in adolescents: social, clinical and psychological factors]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2016, no. 4, pp. 58–62 (In Russ.).
3. Vrono E.M. Sprosite pryamo: “Ty govoriш' o samoubiistve?” Lektsiya vedushchego suitsidologa Eleny Vrono [Elektronnyi resurs]. *Novaya gazeta*, 2016, no. 54. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2016/05/21/68681-171-sprosite-pryamo-ty-govorish-o-samoubiistve-187-lektsiya-vedushchego-suitsidologa-eleny-vrono-v-171-novoy-gazete-187> (Accessed 15.03.2022). (In Russ.).
4. Grigorieva AA. Vyyavlenie riska suitsidal'nogo povedeniya u podroستkov v obshcheobrazovatel'nykh shkolakh [Identification of the risk of suicidal behavior in adolescents in secondary schools] [Elektronnyi resurs]. *Lichnost' v menyayushchemsya mire: zdorov'e, adaptatsiya, razvitie = Personality in a Changing World: Health, Adaptation, Development*, 2019. Vol. 7, no. 3 (26). doi: 10.23888/humJ20193513-523 (In Russ.).

5. Dozortseva E.G., Syrokvashina K.V. Problemnye voprosy provedeniya posmertnoi kompleksnoi sudebnoi psikhologo-psikhiatricheskoi ekspertizy po delam o samoubiistvakh nesovershennoletnikh [Problematic issues of the posthumous complex judicial psychological and psychiatric examination in cases of suicide of minors]. *Voprosy ekspertnoi praktiki = Voprosy ekspertnoi praktiki*, 2019, no. 1, pp. 179–182 (In Russ.).
6. Mazaeva N.A. Suitsidal'naya aktivnost' podrostkov (po dannym zarubezhnykh publikatsii) [Suicidal activity in adolescence (according to foreign publications)]. *Psikhiatriya i psikhofarmakoterapiya = Psychiatry and Psychopharmacotherapy*, 2016. Vol. 18, no. 1, pp. 14–19 (In Russ.).
7. Makushkin E.V., Badmaeva V.D., Dozortseva E.G., Syrokvashina K.V., Oshevskii D.S., Chibisova I.A., Terekhina S.A. Vozrastnye osobennosti psikhicheskogo razvitiya i sostoyaniya nesovershennoletnikh, sovershivshikh suitsidy [Age-related features of psychic development and mental state of adolescents, who have committed suicides] [Elektronnyi resurs]. *Zhurnal nevrologii i psikhiatrii im. S.S. Korsakova = S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*, 2019. Vol. 117, no. 7(2), pp. 20–24. doi:10.17116/jnevro201911907220 (In Russ.).
8. Sokolova M.V., Dozortseva E.G. Sklonnost' k autoagressivnomu povedeniyu u podrostkov i informatsiya, potrebyaemaya imi v Internete [The Tendency to Auto-aggressive Behavior in Adolescents and the Information they consume on the Internet] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 4, pp. 22–35. doi:10.17759/psylaw.2019090102 (In Russ.).
9. Safuanov F.S., Sochivko O.I. Psikhologicheskaya otsenka suitsidal'nogo riska: sootnoshenie pro- i antisuitsidal'nykh lichnostnykh faktorov [Psychological Assessment of Suicidal Risk: the Ratio of Pro- and Anti-Suicidal Personality Factors] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2019. Vol 9, no. 4, pp. 211–224. doi:10.17759/psylaw.2019090415 (In Russ.).
10. Safuanov F.S., Sekerazh T.N. Deyatel'nost', napravlenaya na pobuzhdenie detei k suitsidal'nomu povedeniyu: vozmozhnosti sudebno-psikhologicheskoi ekspertizy [Activities aimed at encouraging children to suicidal behavior: judicial-psychological examination] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2017. Vol. 7, no. 2, pp. 33–45. doi:10.17759/psylaw.2017060203 (In Russ.).
11. Syrokvashina K.V., Oshevsky D.S., Badmaeva V.D., Dozortseva E.G., Makushkin E.V., Aleksandrova N.A., Terekhina S.A., Nutsikova E.V., Fedonkina A.A., Chibisova I.A., Shkityr E.Yu. Faktory riska formirovaniya suitsidal'nogo povedeniya u detei i podrostkov (po rezul'tatam analiza regional'nykh posmertnykh sudebnykh ekspertiz) [Risk factors of fashioning of suicidal behavior in children and adolescents (based on the analysis of regional posthumous forensic evaluation)] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 1, pp. 71–84. doi:10.17759/psylaw.2019090105 (In Russ.).
12. Syrokvashina K.V. Algoritmy sudebno-psikhologicheskoi otsenki psikhicheskikh sostoyanii, predshestvuyushchikh samoubiistvu u podrostkov [Elektronnyi resurs]. *Budushchee detei s osobennostyami psikhicheskogo razvitiya (g. Moskva, 28–29 noyabrya 2019 goda)*. Moscow, FGBU “NMITs PN im. V.P. Serbskogo” Minzdrava Rossii Publ., 2019, pp. 253–255. URL: <https://serbsky.ru/wp-content/uploads/2019/06/Сборник-тезисов.pdf> (Accessed 19.04.2022) (In Russ.).
13. Syrokvashina K.V. Psikhologicheskii analiz v ramkakh kompleksnoi sudebnoi psikhologo-psikhiatricheskoi ekspertizy po delam o samoubiistve nesovershennoletnikh: algoritm, faktory, osnovnye elementy [Psychological Analysis in the Framework of the Comprehensive Forensic

Савина О.Ф., Морозова М.В.
Проблемные зоны экспертного исследования
по факту суицида у несовершеннолетних
Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 52–65.

Savina O.F., Morozova M.V.
Problem Areas of Expert Research
on the Fact of Suicide in Minors
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 52–65.

Psychological and Psychiatric Examination in Cases of Juvenile Suicide: Algorithm, Factors, Main Elements] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 248–259. doi:10.17759/psylaw.2020100317 (In Russ.).

14. Shkityr E.Yu., Badmaeva V.D. Determinanty suitsidal'nogo povedeniya nesovershennoletnikh [Determinants of suicidal behavior of minors] [Elektronnyi resurs]. *Psikhicheskoe zdorov'e = Mental Health*, 2018. Vol. 16, no. 9, pp. 50–60. doi:10.25557/2074-014X.2018.09.50-60 (In Russ.).

15. Ferraro P. et al. A focus on recent cases of suicides among Italian children and adolescents and a review of literature. *Italian Journal of Pediatrics*, 2014. Vol 40, pp. 69. doi:10.1186/s13052-014-0069-3

16. Sher L., Vilens A. Internet and suicide. N.Y.: Nova Science, 2009. 452 p.

Информация об авторах

Савина Ольга Феликсовна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, лаборатория психологии, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7548-5239>, e-mail: psyhol1@yandex.ru

Морозова Марина Валентиновна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория психологии, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3788-209X>, e-mail: marina@serbsky.ru

Information about the authors

Olga F. Savina, PhD in Psychology, Leading Researcher, Psychology Laboratory, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7548-5239>, e-mail: psyhol1@yandex.ru

Marina V. Morozova, PhD. in Psychology, Senior Researcher, Psychology Laboratory, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3788-209X>, e-mail: marina@serbsky.ru

Получена 20.04.2022
Принята в печать 20.06.2022

Received 20.04.2022
Accepted 20.06.2022